

из самых дорогих пород деревьев. Иметь дорогой стол считалось признаком хорошего тона.

Вокруг пирующих возвышался ряд треножников, на которые ставили подносы с блюдами или роскошные вазы для украшения. Зал освещали лампы самых разнообразных форм, из глины или из коринфской меди. На их ножках были изображены сказочные грифы, головы птиц и хищных зверей, а сам стержень был сделан в виде человеческой фигуры. Некоторые лампы имели форму человеческой головы, у которой светильня торчала изо рта. Канделябры достигали двух метров в высоту и отличались богатым орнаментом.

Гости входили в столовую, бросали на курительницы щепотки соли в жертву домашним божествам — пенатам — и ложились на скамьи. Александрийские рабы подавали им воду для омовения рук, другие приносили в серебряных сосудах и тазах ароматную воду для ног и распускали сандалии. Раб должен был быть веселым. Он не только приветливо улыбался гостям, но и не имел права работать молча. Если от него чего-нибудь требовали, он начинал петь.

Когда все гости укладывались на свои места, слуги вносили закуску. На подносе вполне мог оказаться осел из бронзы с двумя мешками по бокам: в одном из них были белые, в другом — черные оливки. На блюдах красовались ящерицы, облитые медом с маком. Затем подавали горячие сосиски, сирийские сливы и гранатовые зерна. С хоров гремела музыка. Рабы обносили поднос с корзинкой, в которой сидела деревянная курица с распущенными крыльями. Под крыльями лежали павлиньи яйца, которые раздавали гостям.

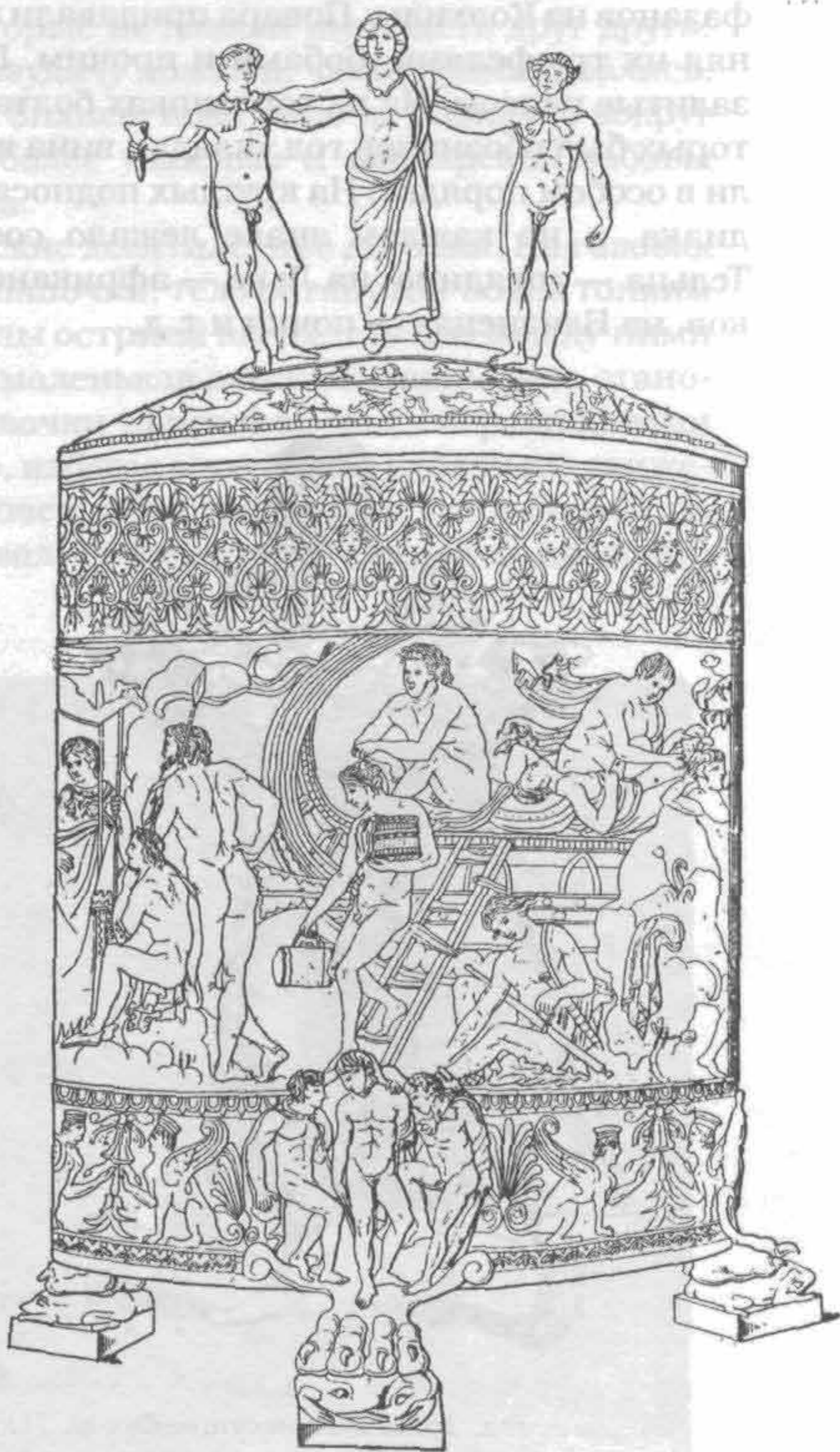

Рис. 186. Бронзовая циста (ларец) из Пренесты

После этого начинался обед. Кулинарное искусство изошрялось до необычайных изобретений: подавали ионийских рябчиков, цесарок, бекасов, фазанов из Колхиды. Повара придавали птицам естественные позы, начиная их трюфелями, бобами и прочим. Подавались стеклянные бутылки, залитые гипсом. На их горлышках болтались ярлычки с надписями, в которых был обозначен год укладки вина в погреб. Иногда блюда расставляли в особом порядке. На круглых подносах были изображены 12 знаков зодиака, а на каждом знаке лежало соответствующее блюдо: на знаке Тельца — говядина, на Льве — африканские смоквы, на Раке — груды раков, на Близнецах — почки и т. д.

Рис. 187. Рабы, несущие блюда. Изображения с римских фресок

Зайцев подавали с крыльями, рыбы плавали в соусе, кабаны огромной величины на клыках несли корзинки с финиками и орехами. Вокруг кабанов теснились искусно сделанные из теста поросята. Гости никогда не знали назначения блюда и можно ли его есть вообще. Из разрезанного кабаньего бока вместо ожидаемой начинки могли вылететь живые дрозды, которых убивали ловкие охотники, стоявшие тут же. Иногда доски потолка раздвигались и сверху спускались подарки для гостей. Для разнообразия блюда подавались и так: входили два раба с глиняными кружками, оба, по-видимому, пьяные. Они начинали сердиться, бить друг друга по кружкам толстыми палками, и из разбитых кружек сыпались устрицы и гребенчатые раковины. Третий раб подбирал их и разносил гостям.

Под конец обеда наступало время развлечений. Полуобнаженные гладиаторы забавляли пирующих своими схватками. Иногда гладиаторам надевали наглухо закрытые шлемы, которые не давали им видеть друг друга. Они были скованы цепью и, тыкая наудачу ножами, часто промахивались, но еще чаще попадали. Гладиаторы бились, пока мясо не повисало вокруг них кровавыми лоскутьями. Еще более ужасные и варварские забавы предлагали гостям на пирах Лукулла.

В триклиниум входили две сирийские десятилетние девочки. На головах у них были маленькие фригийские шапочки, тело обтянуто у пояса тонким трико. Быстро воткнув в пол кинжалы острием вверх, так что между ними едва могла пройти и коснуться пола маленькая детская ладонь, они, становясь на руки, начинали танец. Девочки двигались над смертоносными лезвиями с необычайной ловкостью, избегая малейшего неверного движения. Танцы становились все неистовее и быстрее — это тоже борьба на жизнь и смерть. Лица девочек наливались кровью, усталые руки дрожали, лбы почти касались острых лезвий.

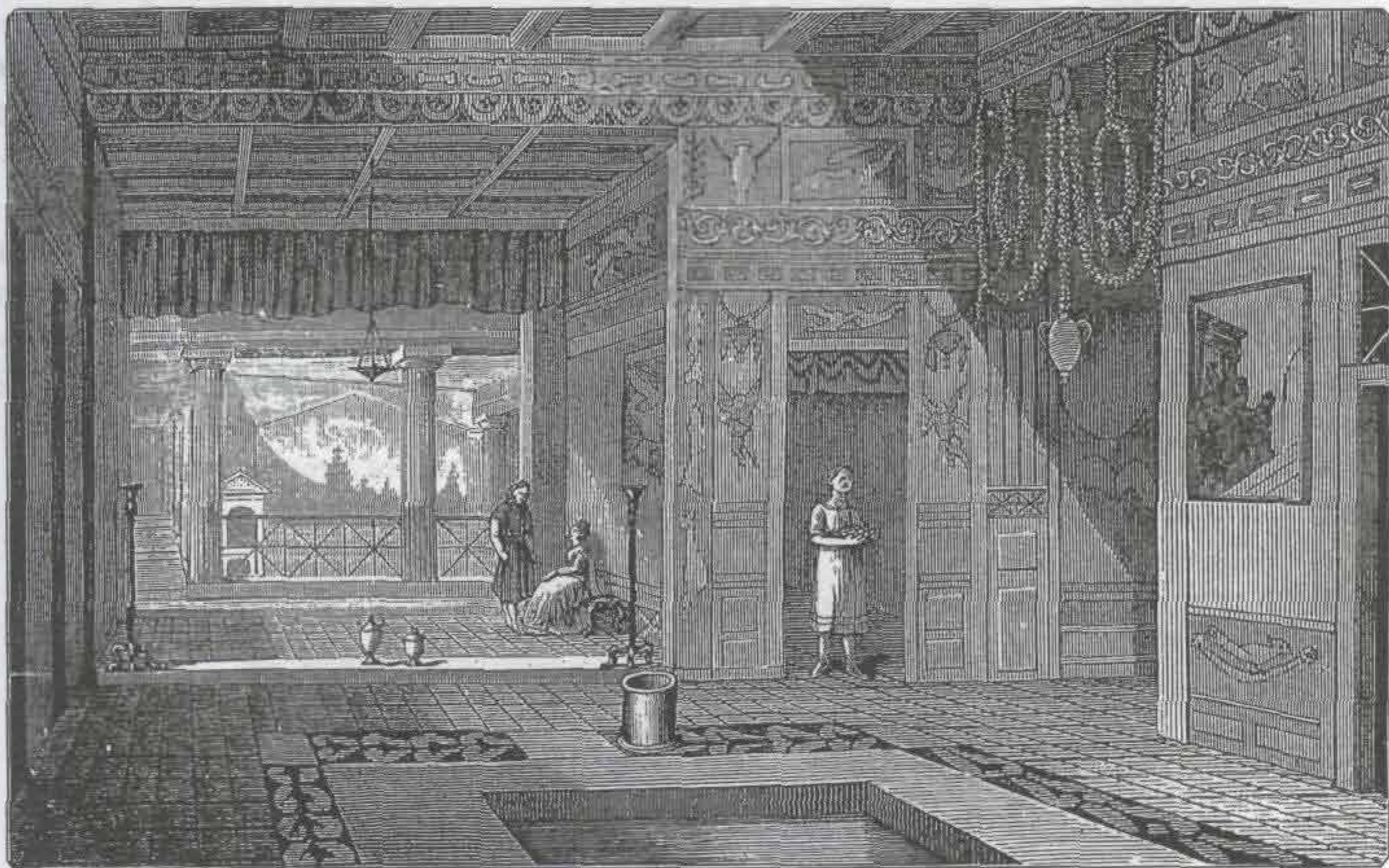

Рис. 188. Внутренность богатого дома в Помпеях. Реконструкция

Гостями овладевало волнение: туман винных паров не мешал им напряженно следить за жестокой забавой, делать ставки на ту, которая выдержит дольше. И вот раздается отчаянный крик: одна из девочек упала на локти, кинжалы впились ей в грудь, и кровь уже брызжет во все стороны. Подруга радостно вскочила на ноги и получила в награду чашу, полную монет.

Петроний рассказывал, как однажды «серебряная тарелка упала со стола и один из рабов ее поднял. Хозяин, заметив это, дал ему пощечину и велел швырнуть обратно на пол; тогда пришел невольник с метлой, — тарел-

ку вымели вместе с сором». Яркие иллюстрации баснословной роскоши римского триклиниума дают изображения светильников всевозможных типов. Тут есть треножники с бараньими и львиными лапами, с украшениями из листьев и ягод. Сфинкс, обработанный в римском стиле, является превосходной подставкой под лампу. Орнаменты свидетельствуют о строго выдержанном вкусе: упругая линия согнутых лап и стройный стержень ствола прекрасно гармонируют друг с другом (рис. 183). Не менее интересна серебряная посуда (рис. 182).

* * *

Первоначально этрусский дом представлял собой просторное прямоугольное здание, вокруг которого группировались боковые постройки, меньшие по размерам. Могильные склепы Этрурии несут на себе отпечаток влияния Греции и даже Египта, что особенно ярко сказывается на колоннах гробницы в Черветери (рис. 189). Здание имело покатуую крышу из соломы или булыжника, с отверстием для дыма посередине и ямой для очага. Отверстие не спасало от копоти главную комнату, которая по этой причине называлась atrium, т. е. черная. Отверстие в крыше в случае дождя закрывали деревянной ставней, хотя под ним и был устроен бассейн для дождевой воды. Атриум остался ядром римской постройки. При всех последующих изменениях римского дома атриум остался неприкосновенным. Тут стоял алтарь пенатов.

Греческие и восточные элементы архитектуры превратили здания Рима в великолепные сооружения. Правительство строго следило за прочностью построек, ремонтом стен и мостовых и не позволяло строить дома выше четырех этажей для сдачи внаем. Знатные римляне жили в домах-особняках

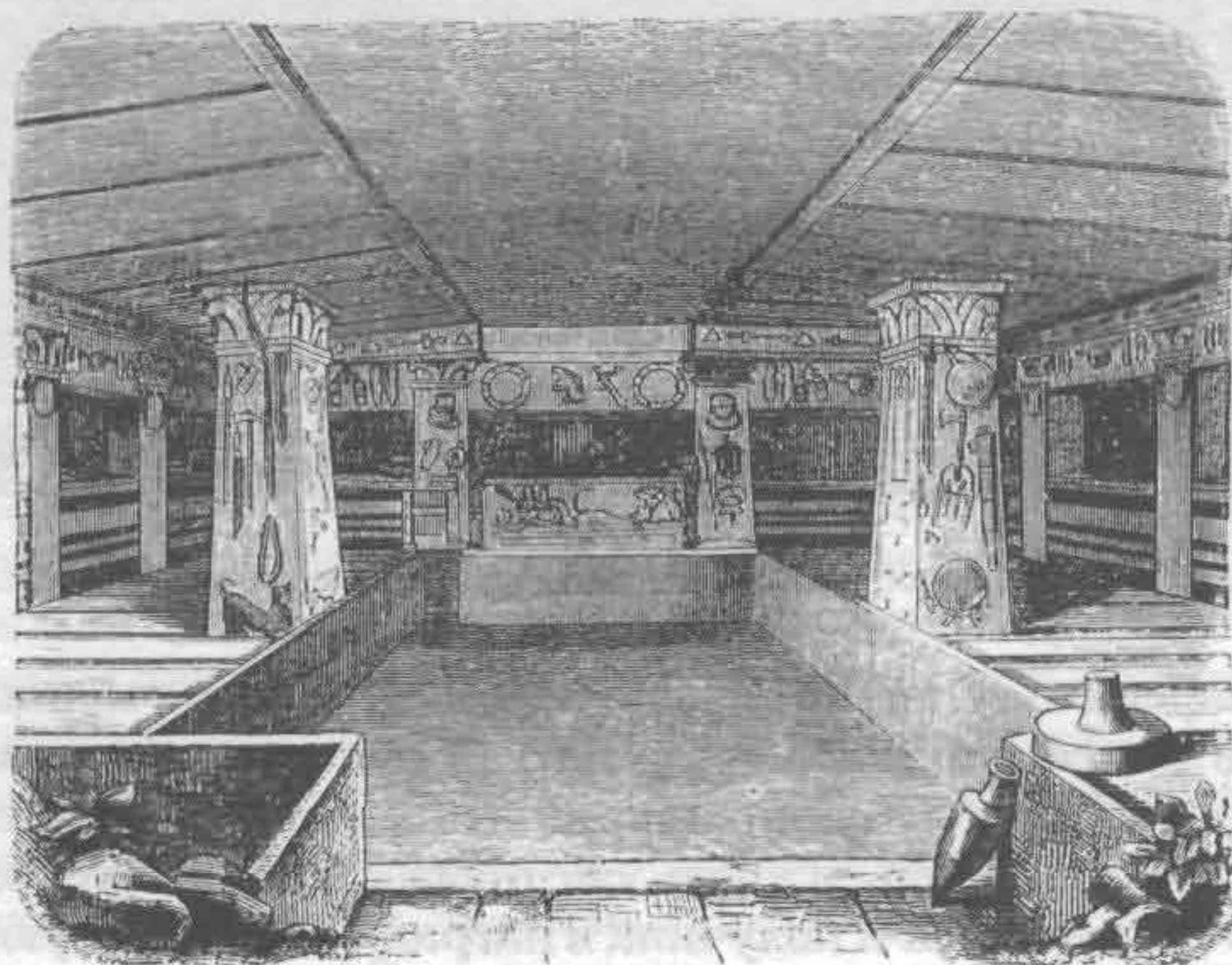

Рис. 189. Этруская гробница в Черветери

Рис. 190. Римский сенатор у себя дома. Рисунок XIX в.

(рис. 190), которых при Августе в Риме насчитывалось около двух тысяч. Другие дома были наемными, и их было в двадцать раз больше — около сорока семи тысяч.

Проводя большую часть дня на открытом воздухе, римлянин не нуждался в обширном помещении, и потому комнаты в доме были небольших размеров. Городской римский дом и впоследствии сохранил форму прямоугольника, узкой стороной выходящего на улицу. На уличной стороне стены висел звонок (*tintinnabulum*), на пороге красовалось выложенное мозаикой слово «*salve*» — «будь здоров» (рис. 191). Ученый попугай, висевший у двери, тоже приветствовал гостя какой-нибудь фразой. С одной из сторон входа рычала на посетителя собака, о присутствии которой предупреждала надпись «*save sanem*» («берегись пса»). Иногда, по традиции, у входа помещали мозаичное изображение собаки.

Рис. 191. Порог римского дома, составленный из треугольных кусочков камня

Из вестибюля гости попадали в атриум с верхним светом и алтарем — это была приемная, где хозяин дома принимал клиентов. В задней части атриума находился бассейн, произошедший от древнего имплувия (impluvium) — ямы для стока дождевой воды. Иногда в бассейне устанавливали фонтан. Средний двор окружали переходы, кладовые, мелкие комнаты, предназначенные для хозяйства. К дому примыкали разнообразные пристройки — спальни, помещения для рабов, купальни, кухни; иногда — столовые, гостиные, картинные галереи, библиотеки. Расположение комнат верхних этажей было совершенно произвольным.

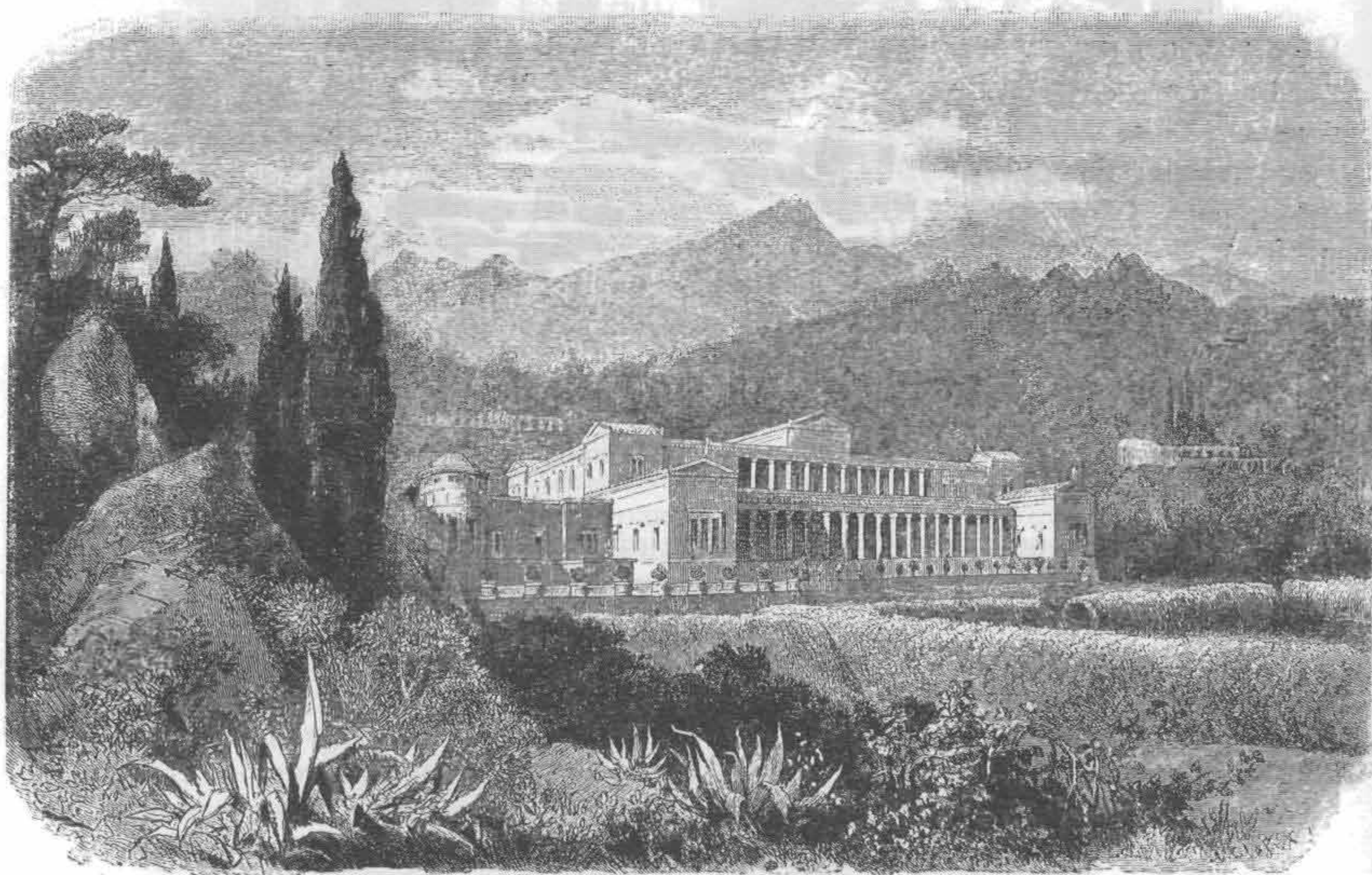

Рис. 192. Вилла Плиния Младшего. Реконструкция

Убранством дома служило его внутреннее устройство, о фасаде заботились мало. Очень редко, да и то весьма состоятельные римляне украшали наружные стены пилястрами. Внутренние стены покрывали мрамором, лепкой, живописью, мозаикой. Комнаты отделяли друг от друга тяжелыми портьерами. Колонны, которые ставили посередине комнат, служили опорой для потолка и позволяли увеличить размеры помещения (рис. 188).

Со времен Юлия Цезаря в моду вошел обычай устраивать загородные виллы или дачи. При Саллюстии эти виллы стали окружать виноградниками, лугами, целыми парками с искусственными гротами, бассейнами и скалами. При возведении вилл обращали внимание на тенистые, прохладные галереи, куда можно было укрыться от жары. Любители пей-

зажей строили вышки или башни, откуда открывался чудесный вид. В парках устраивали птичники и зверинцы, в бассейнах разводили лучшие породы рыб. Аллеи подстригали и украшали беседками и цветниками (рис. 192).

Верхом роскоши были постройки цезарей, которые воздвигали десятками. Тиберий на одном Капри за короткое время построил до 12 вилл. Нерон приказал возвести неслыханно роскошный золотой дворец, затмивший все, что строилось до него.

Из римских развалин самое удивительное зрелище представляют термы, или бани, которыми римляне гордились. Общественные бани, учрежденные в ранний период развития римского государства с гигиеническими целями, вскоре превратились в великолепные сооружения огромных размеров. Они совмещали в себе холодные, теплые, горячие, паровые бани и залы для гимнастики, гимнасионы, библиотеки, аллеи для прогулок и даже картинные галереи.

В первом отделении находились две раздевалки для мужчин и женщин, разделенные глухой капитальной стеной. В следующем зале, т. н. фригидариум (frigidarium), был расположен большой бассейн для холодного купания. Затем посетитель попадал в тепедариум (tepedarium), более теплое помещение, где римляне мазались маслом. Наконец, кальдариум (caldarium) представлял собой жарко натопленную комнату, в которой мылись горячей водой. Возле кальдариума находились огромные печи с двумя котлами для кипящей воды и трубами, по которым теплый воздух шел по всему помещению.

Размеры бань были настолько велики, что в термах Каракаллы могло одновременно мыться 2500 человек, а таких терм при Константине в Риме

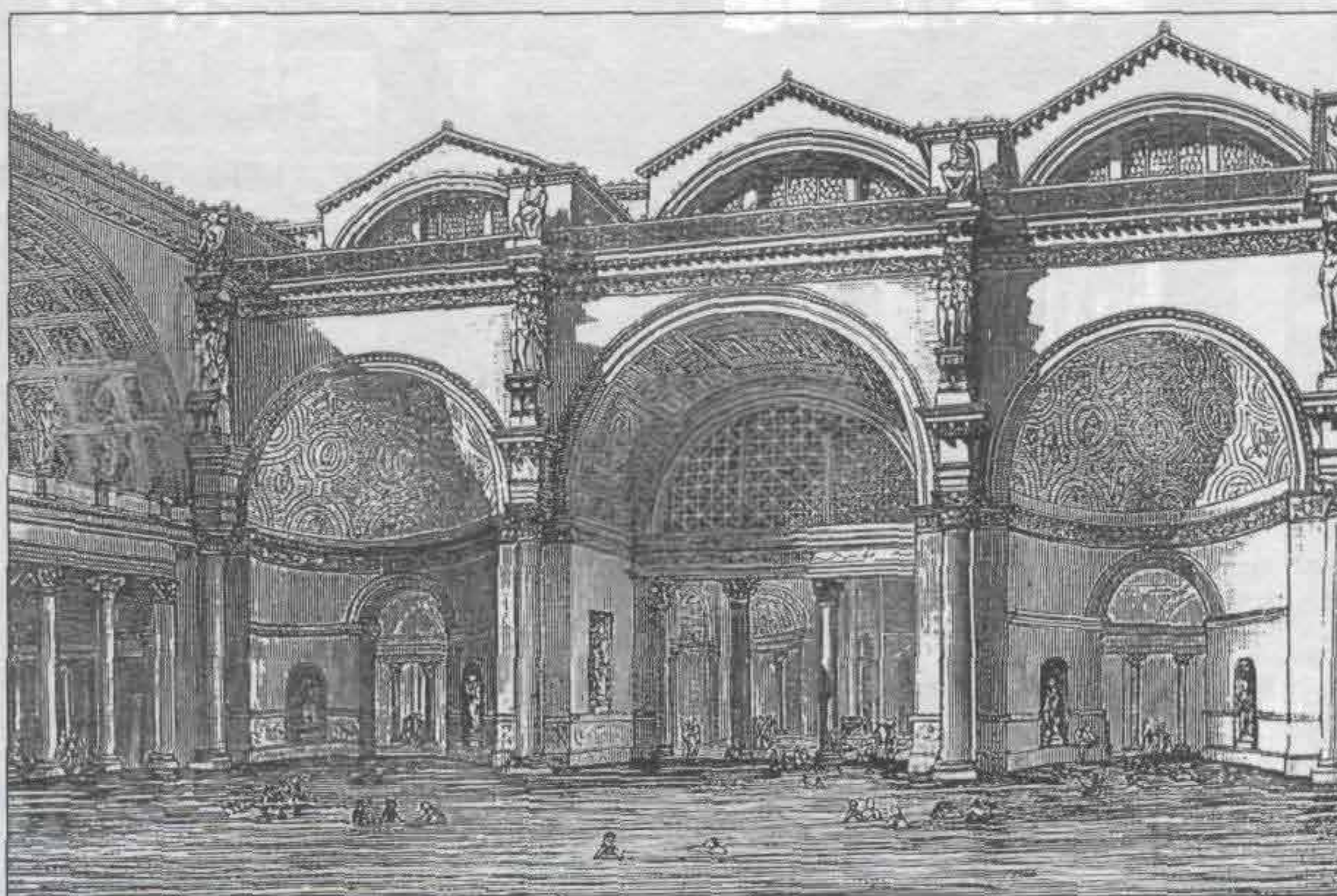

Рис. 193. Римские термы. Реконструкция

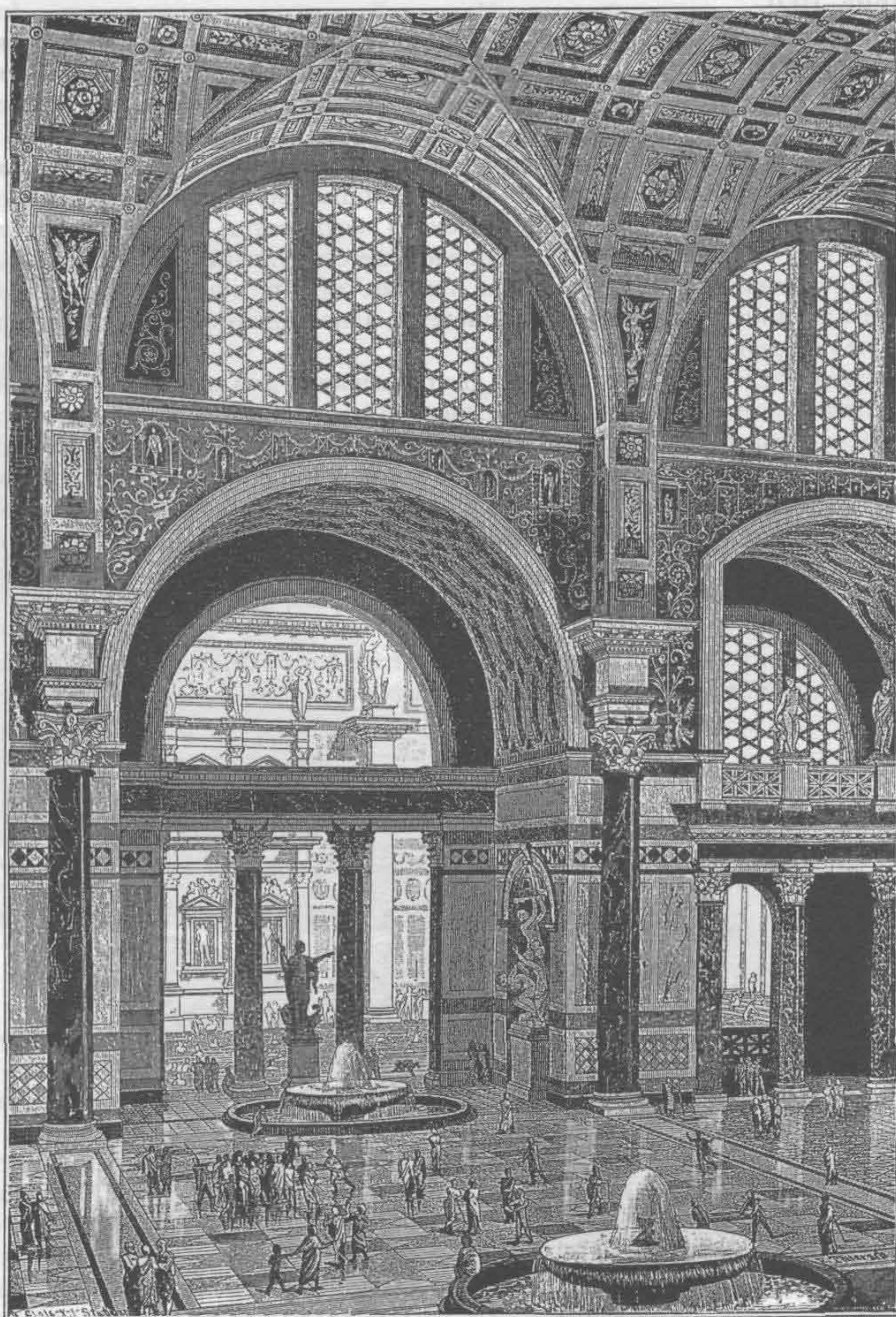

Рис. 194. Термы Каракаллы. Реконструкция Любителяпей-

было десять. За вход платили немного. Посетителям прислуживали рабы, которые и проводили сложную операцию омовения: тело растирали особыми инструментами, тканями и мазями. После омовения римляне отправлялись в палестру, где состязались в борьбе или беседовали (рис. 193—195).

День у римлян начинался с третьего (по нашему — девятого) часа. Вообще римский день, состоявший из двенадцати часов, начинался с восходом солнца и заканчивался с его закатом. Таким образом, зимой двенадцатичасовой промежуток был короче, чем летом. Наш полдень был всегда шестым часом у римлян; двенадцатым часом у них считался час перед закатом солнца.

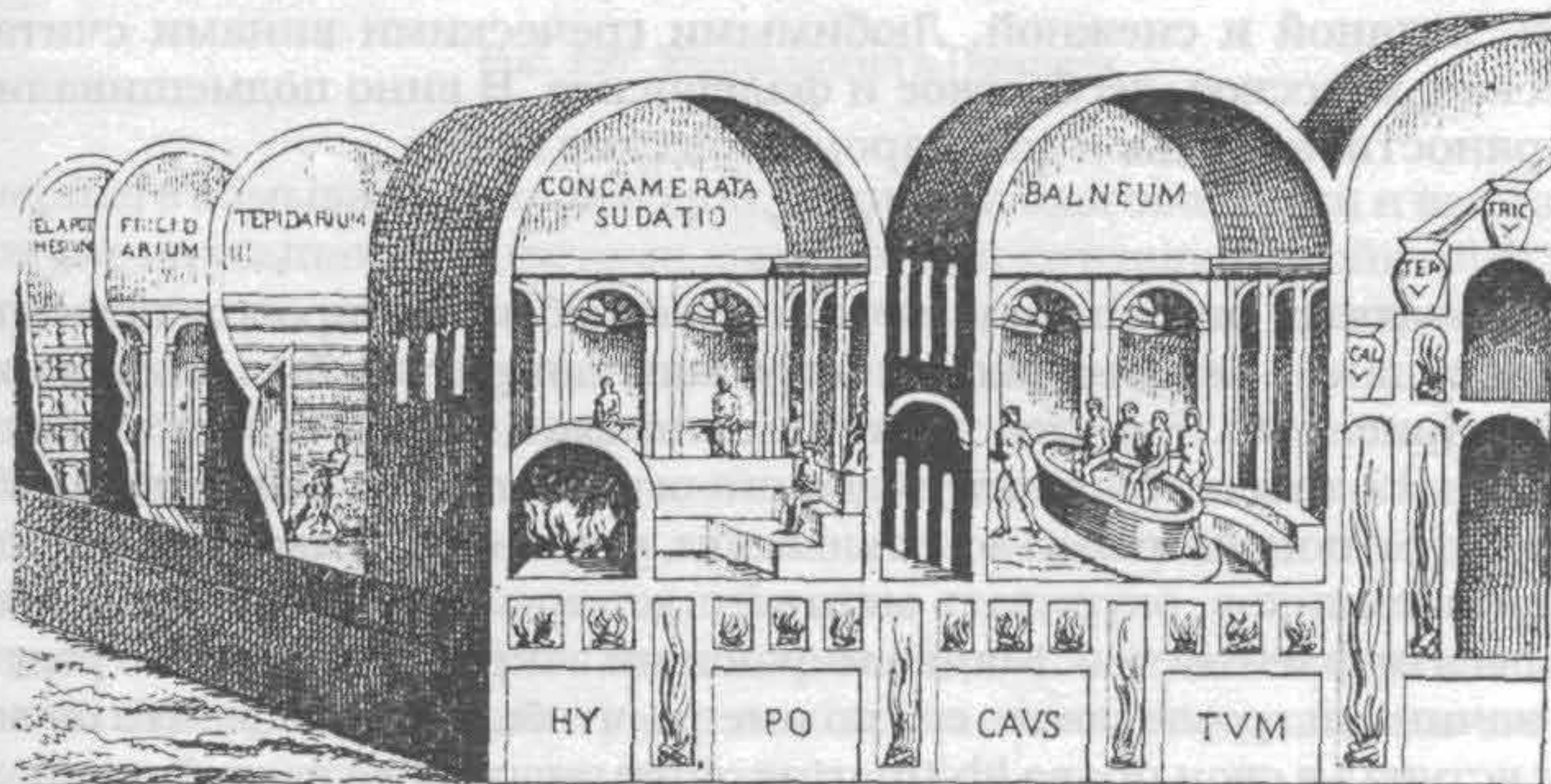

Рис. 195. Римские термы. Реконструкция эпохи Возрождения

Римляне начинали день легким завтраком, состоявшим из хлеба и вина, иногда — меда, сыра и плодов. После еды они отправлялись по своим делам: в суд, с визитами, на поклон к патронам, в школу, на состязания. В этих занятиях проходило время до полудня. Затем обедали более основательно. Эта трапеза (*prandium*) состояла из горячих или холодных блюд, рыбы, плодов, хлеба и вина.

Когда обед заканчивался, наступала *сиеста* (*siesta*) — римский обычай отдыха, который впоследствии свято сохранился в Италии. К полудню все входы и выходы запирались, церкви и лавки пустели. Исключение составляли официальные заседания, особенно судебные, собрания в сенате и народные собрания. Их не прерывали, если дела не были окончены. Рабы, работавшие в поле, тоже нередко продолжали трудиться во время самого жгучего полдневного зноя.

Позднее, когда общая бездеятельность и лень охватила римский народ, когда чернь, развращенная зрелищами, шаталась бесцельно по улицам, *сиеста* стала касаться всех без исключения. В это время царило такое безлюдье, что случайно встретившегося прохожего принимали за призрак. Аларих очень ловко рассчитал, что овладеть Римом удобнее всего в полдень, когда весь город, с охраной включительно, потягивался после еды в постелях.

После сиесты римляне занимались гимнастикой, отправляясь для упражнений на Марсово поле, или играли в шары в особых помещениях терм. После бани следовал обед с похлебками и массой блюд. Каждый из гостей, пришедших к обеду, брал манту — салфетку, так как ели руками. Вилки вошли в употребление значительно позже, примерно 600 лет назад на Аппенинском полуострове. В Англии еще в XVII веке ели без вилок. Иногда на руки надевали перчатки, чтобы сохранить руки в чистоте. Ложками тоже пользовались редко, и вначале их вполне заменяла хлебная корка.

Единственным питьем римлян было вино, которое почти всегда разбавляли водой — чистое вино пили только пьяницы. Разбавляли вино водой теплой, ледяной и снежной. Любимыми греческими винами считались фазосское, хиосское, лесбосское и фалернское. В вино подмешивали разные пряности, корни и даже ароматические масла.

* * *

Когда знатный римлянин умирал, его погребение сопровождалось пышными обрядами. Первоначально погребальный ритуал был заимствован у этрусков (рис. 196). Впоследствии римляне расширили его настолько, что уже закон 12 таблиц был вынужден его ограничивать. Запрещалось сжигать вместе с покойниками золотые вещи, умащать трупы при помощи рабов или наемников, окуривать мертвого дорогими фимиамами, нанимать более десяти флейтистов. Когда умирающий закрывал глаза, все родственники начинали громко звать его по имени, чтобы убедиться, что он мертв. Затем вступал в свои права *libitinarius*, лицо, ведающее погребальными церемониями.

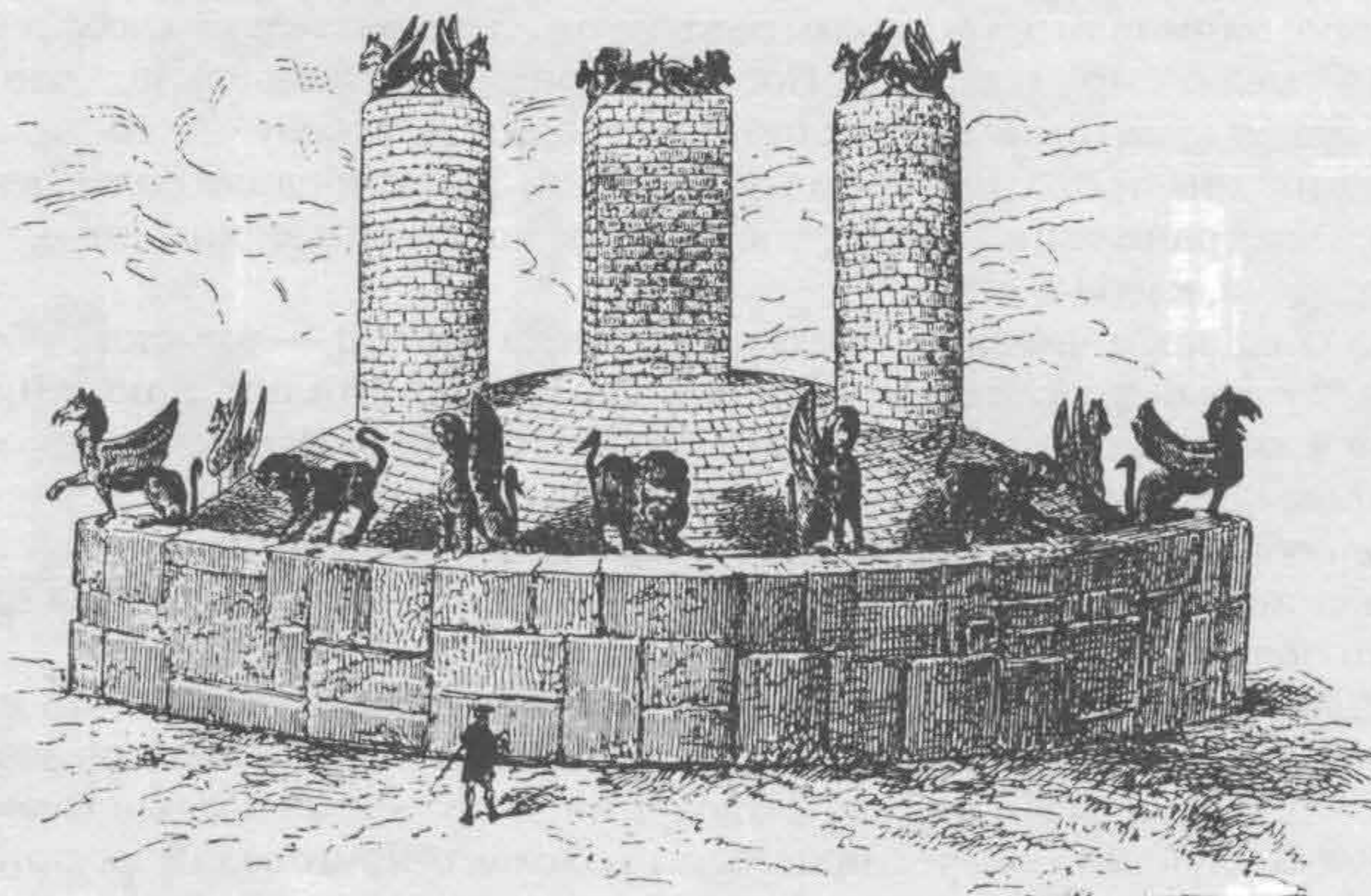

Рис. 196. Кукумелла, этруская гробница близ Вольсиния. Реконструкция

Рис. 197. Улица могил в Помпеях

Умершего обмывали теплой водой, обливали благовониями и выставляли в атриуме на усыпанном цветами ложе ногами ко входу. Покойный был одет в тогу — простую или официальную. Если при жизни он был удостоен венка, то венок возлагали ему на голову. Возле ложа ставили курильница. У наружной двери крепили кипарисовую ветвь, а иногда и целый куст кипариса. Это означало, что в доме покойник. Тело умершего оставалось в доме около недели. В момент смерти в домашнем очаге тушили огонь, который снова зажигали только после погребения.

В день похорон особый глашатай зазывал желающих отдать последний долг покойнику: «Гражданин умер, кто из вас желает проводить его гроб? Час для этого настал, сегодня вынос».

Рис. 198. Саркофаг Александра Севера и Маммеи. Капитолийский музей

Впереди погребального кортежа шли музыканты. За ними выступали плакальщицы, протяжно завывавшие погребальные песни. В более поздние времена за плакальщицами стали следовать актеры, декламировавшие или импровизировавшие сцены. Во главе артистов или мимов шествовал архимим, который должен был жестами и походкой подражать покойному. Для большего сходства на него надевали маску, изображавшую умершего.

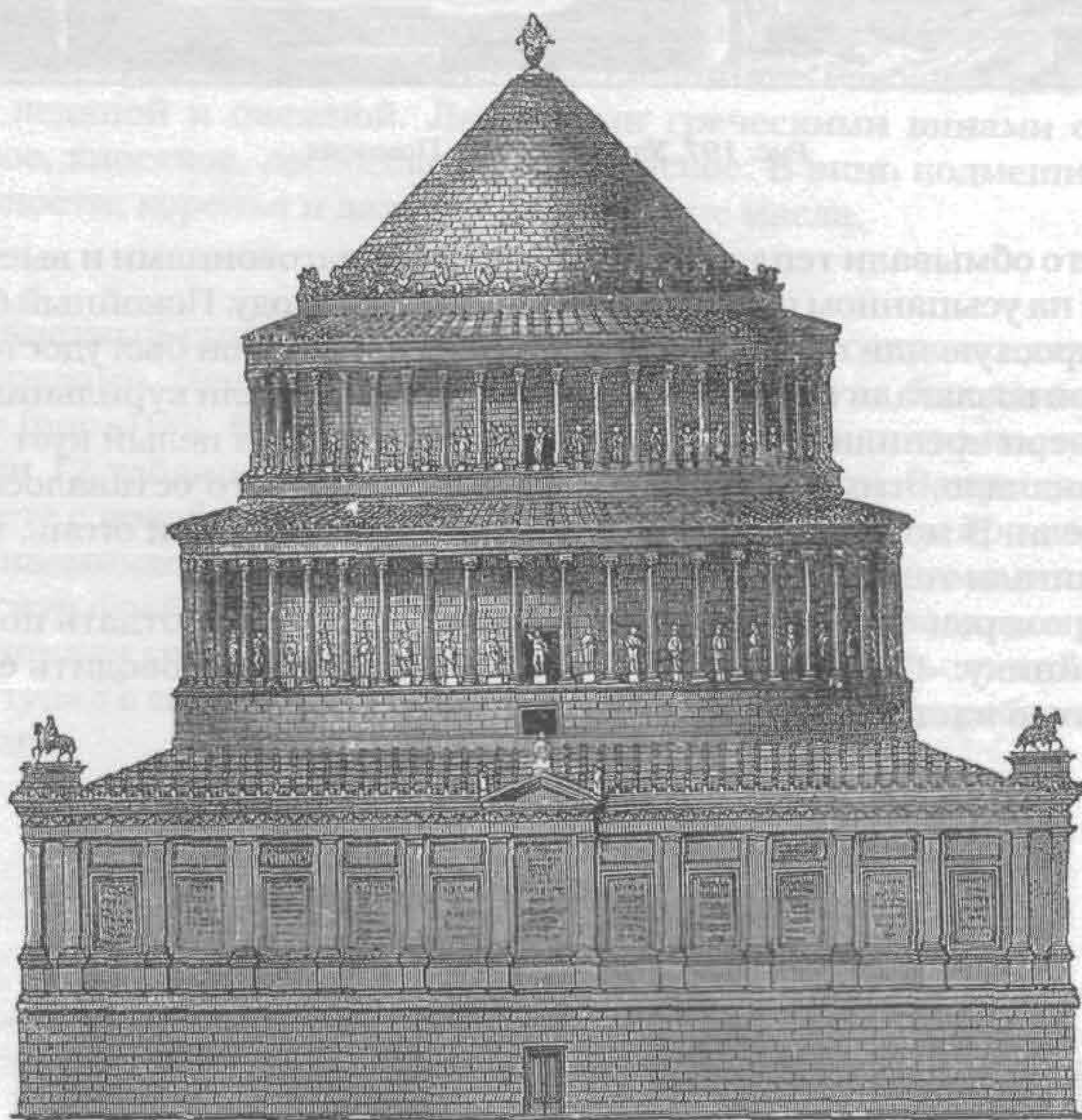
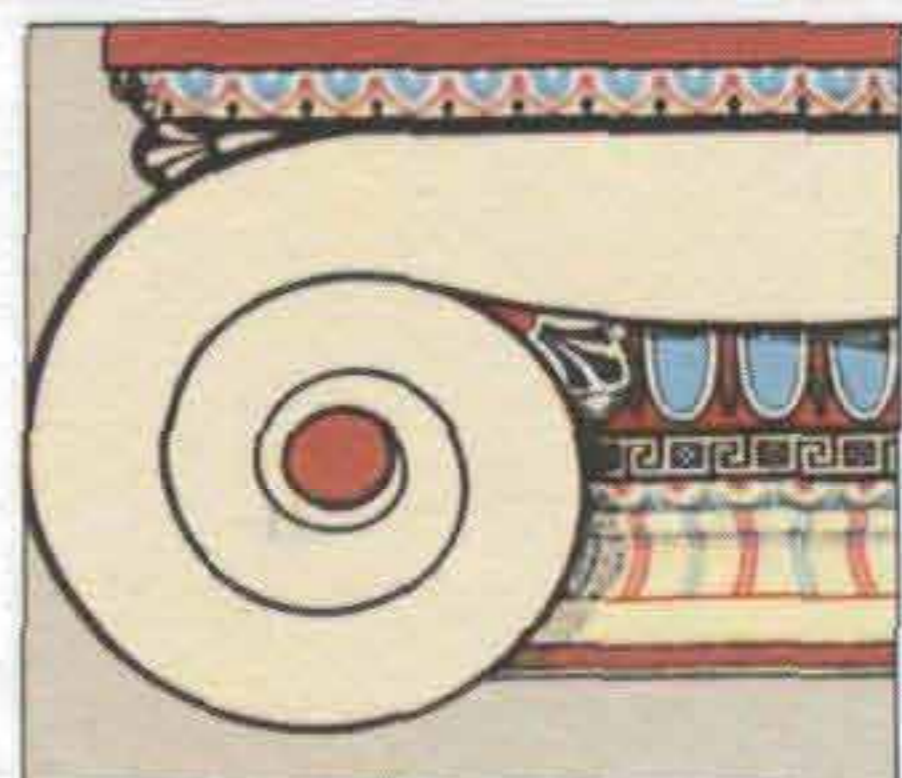
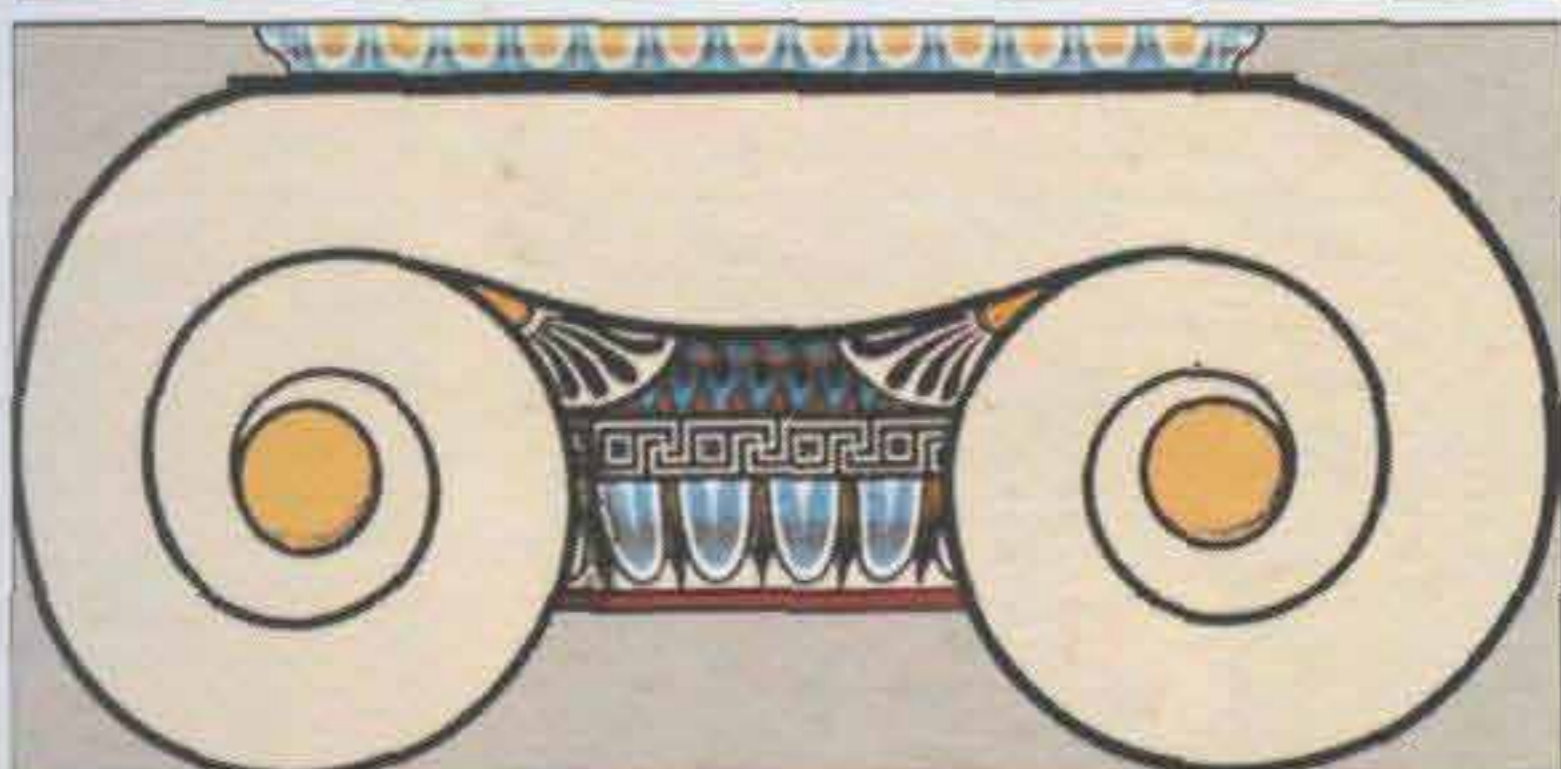
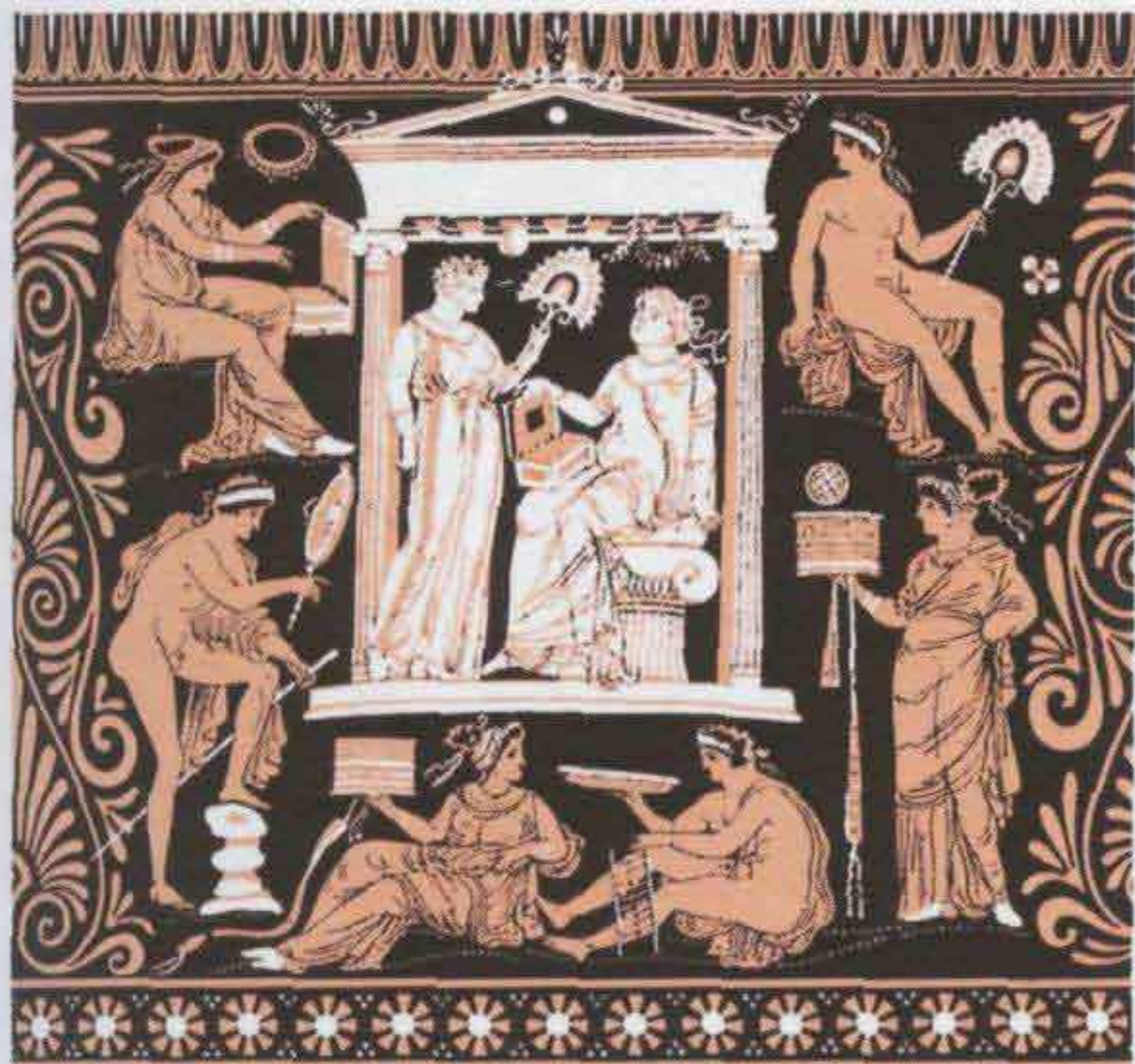

Рис. 199. Мавзолей Адриана. Реконструкция фасада

За ним следовали актеры в восковых масках предков умершего (*imagines*), хранившихся в атриуме дома. Иногда вместо масок несли статуи предков, изображенных сидящими на стуле. Маски несли наемные актеры, которые были одеты в костюмы покойного, консульские или цезарьские тоги, или даже в триумфаторский костюм. Если покойный был полководцем, на дощечках несли изображения взятых им городов, почетные венки, атрибуты власти, трофеи, приобретенные им в битвах.

Затем несли покойника на великолепном одре, покрытом пурпурным покровом. В роли носильщиков выступали ближайшие родственники, друзья, отпущенники, а иногда — сенаторы и всадники. Сзади шли знакомые и народ. Близкие были одеты в траур: мужчины шли с покрывалами

9. Древняя Греция

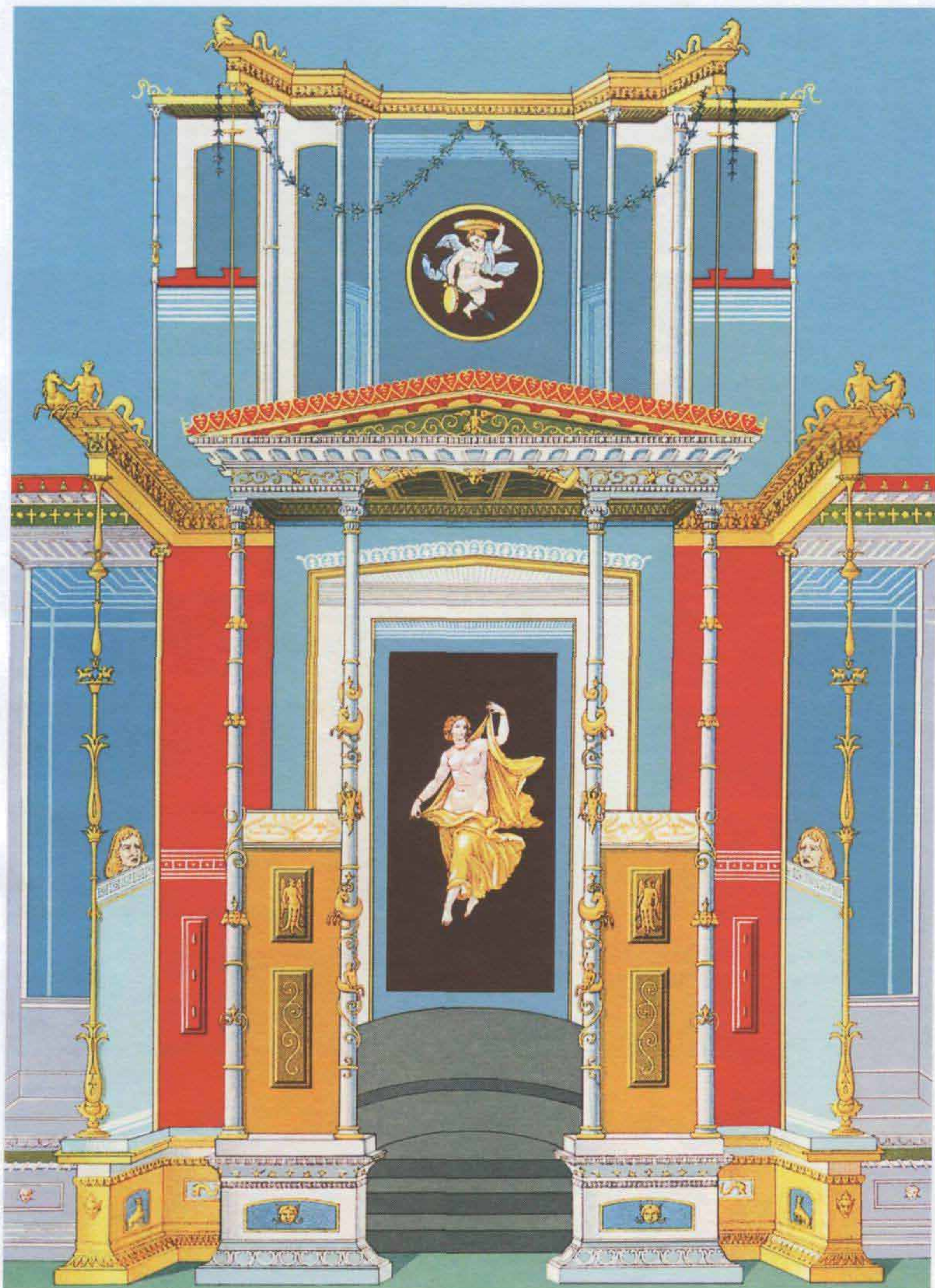
Фрагменты мозаики пола и элементы росписи стен

10. Древняя Греция
Элементы фриз и украшения пола

11. Древняя Греция
Орнаментация бордюров и фриз

12. Древний Рим
Помпейская роспись третьего стиля

на головах, женщины — с обнаженной головой. Процессия приходила на форум, носилки ставили перед рострой, и вокруг них полукругом размещали изображения предков. Ближайший родственник произносил речь, возвеличивая подвиги покойного и тех предков, которые были свидетелями погребения. С форума процессия шла за город к городскому валу, где уже был приготовлен костер для сожжения.

Затейливо убранный костер часто стоил немалых денег. Положив на него тело с открытыми глазами, его еще раз окропляли благовониями, усыпали венками и разными приношениями. Ближайший родственник, отвернувшись, зажигал костер. Под звуки погребальной музыки и громкий вой плакальщиц огонь охватывал подмости. В это же время, по этрусскому обычаю, вокруг костра начинались гладиаторские бои. Когда от покойника оставался один пепел, его собирали, призывая тень умершего, опрыскивали этот пепел вином и молоком, высушивали и затем опускали в погребальную урну. Затем жрец окроплял участвовавших в похоронах водой для очищения и распускал их по домам обычно торжественным возгласом *ilicet*, т. е. *i, licet* — «иди, можно».

Вместо сожжения тело могли просто положить в гроб, но со временем римляне стали отдавать предпочтение именно сожжению. Мальчиков, умерших до того, как они надели тогу мужчин, никогда не сжигали, а закапывали в землю без всяких торжеств. Над могилами римляне воздвигали великолепные саркофаги и мавзолеи (рис. 197—199).

* * *

Вначале изготовление одежды у римлян было целиком возложено на женщин. Жрец всегда носил одежду, изготовленную его женой. И если греки носили одежды без швов, то римляне, наоборот, всегда сшивали свой костюм. Наиболее достойным цветом считался белый, хотя впоследствии и ткани и цвета стали подчиняться только моде. Так, большую популярность приобрели прозрачные ткани. Императоры не раз издавали указы, запрещающие употребление тончайших тканей, но их не прекращали носить; вскоре прозрачные ткани вошли и в мужской гардероб. Носили даже золотые одежды из так называемой аталийской ткани, изготовленные из тончайшей золотой проволоки.

Рис. 200. Римская одежда

Рис. 201. Узорчатый хитон